

Цзянь Мяо запнулся. Он никак не ожидал, что Цзян Яньчжоу истолкует его отказ именно так, и тут же возразил:

— Нет, вовсе нет!

Младшекурсник сам просил сделать вид, будто ничего не произошло, так с чего бы Цзянь Мяо думать о нём дурно?

— Тогда я бы не отказался от карамельного баббл-ти. Если угостишь, я привезу обед, идёт?

Услышав, что тон парня снова стал прежним и непринужденным, Цзянь Мяо с облегчением выдохнул:

— Договорились.

Сбросив звонок, Цзянь Мяо отправил ему список блюд и свой адрес. Он еще вчера морально подготовил себя к тому, что придется раскрыть место жительства, так что теперь сделать это оказалось не так уж сложно.

Отправив сообщение, Цзянь Мяо невольно оглядел квартиру. Стримы он проводил в кабинете — достаточно было просто запереть дверь. В гостиной же валялись кое-какие парики и реквизит, которые требовалось лишь спрятать с глаз долой.

Преодолевая недоумение, он быстро убрал всё, что касалось трансляций, и убедился: теперь его жилье ничем не отличается от самой обычной студенческой квартиры.

Сюда вполне можно пригласить младшего товарища зайти на чашку чая.

Застыв ненадолго в задумчивости, Цзянь Мяо прошел на кухню, поставил кипятиться воду и сполоснул два стеклянных стакана. Посомневавшись между пуэром и зеленым чаем, он остановил выбор на последнем.

Заварив чай, юноша присел за стол в гостиной и уставился на пустующий напротив стул.

Ему прежде не приходилось звать к себе друзей, а потому особенный статус младшекурсника невольно рождал смутное предвкушение.

Едва эта мысль мельком пронеслась в голове, как едва утихший синдром кожной жажды снова дал о себе знать. Цзянь Мяо сжал в кулаках длинные рукава кофты, заставляя себя перетерпеть зудящую тоску по прикосновениям.

«Он — мой первый гость. Ни в коем случае нельзя ударить в грязь лицом».

Как раз в этот миг раздался дверной звонок.

Цзянь Мяо подхватился с места, на автомате оправляя подол домашней одежды, и поспешил в прихожую.

Цзян Яньчжоу стоял на пороге с пакетами в руках и смотрел в экран телефона. Послышался щелчок замка, и перед ним предстал Цзянь Мяо.

Старший всегда предпочитал вещи на размер больше, и этот мягкий серый комплект превращал его в уютный, пушистый кокон.

Спрятав мелькнувшую в глазах нежность, Цзян Яньчжоу приподнял пакеты:

— Вот каша, которую ты просил. И еще я прихватил немного фруктов — для витаминов.

Цзянь Мяо поспешно протянул руки.

Длинный рукав скрывал больше половины ладони, а тонкие белые пальцы выглядели изящнее и мягче женских. Передавая пакет, Цзян Яньчжоу как бы невзначай коснулся его руки.

И тут же заметил, как пальцы старшего судорожно сжались.

Приняв покупки, Цзянь Мяо нерешительно запнулся:

— Ты...

— У меня еще тут дел немного, так что я, пожалуй... — начал Цзян Яньчжоу, но, встретив его взгляд, осекся: — Что-то не так?

Уловив скрытый смысл его слов, Цзянь Мяо мгновенно растерял весь накопленный пыл. Опустив глаза, он лишь кротко улыбнулся:

— Ничего. Просто хотел спросить, не зайдешь ли ты на чашку чая.

Цзян Яньчжоу чуть прищурил чайного цвета глаза, ловко считывая легкую досаду и смущение юноши.

Кончики пальцев до сих пор покалывало волнительным жаром, проникавшим прямо в сердце.

Цзян Яньчжоу сдержанно сжал ладонь в кулак.

Подняв другую руку, он легким движением качнул стаканом:

— Все в порядке, ты ведь уже угостил меня баббл-ти... Не буду задерживать.

— Хорошо, — тихо кивнул Цзянь Мяо. Первая в его жизни попытка проявить гостеприимство провалилась, и трудно было сказать, чего в нем сейчас было больше — разочарования или досады. — Будь осторожен на дороге.

Цзян Яньчжоу шагнул в кабину лифта. Каждое движение давалось с трудом.

Он знал, что Цзянь Мяо нездоровится, а потому изо всех сил сдерживал себя, намереваясь лишь передать еду и уйти. Кто же мог подумать, что тот сам проявит инициативу? Но фраза уже сорвалась с губ, и возьми он свои слова назад — это лишь вызвало бы ненужные подозрения.

Опустив взгляд, Цзян Яньчжоу наблюдал за тем, как сдвигаются створки лифта, когда в сужающейся щели внезапно мелькнул силуэт.

Цзянь Мяо бежал к нему.

Реакция сработала быстрее мысли — Цзян Яньчжоу мгновенно ударил по кнопке открытия дверей.

Запыхавшийся Цзянь Мяо подбежал к кабине и, прикрывая рот длинным рукавом, глухо закашлялся:

— Кхм... Вот, держи.

Опустив взгляд, Цзян Яньчжоу увидел в его ладони небольшую коробочку персикового сока.

Тот самый вкус, которым он однажды поделился со старшим.

— Это... — Цзянь Мяо вложил коробочку ему в ладонь, всё ещё пытаясь перевести дыхание. — Это тоже тебе.

Договорив, он серьёзно помахал рукой:

— Счастливого пути.

Двери лифта неторопливо сошлись. Цзянь Яньчжоу еще долго стоял неподвижно, а затем поднял руку и прижал прохладную коробочку сока к горячему лбу.

Спустя некоторое время из его груди вырвался тихий вздох:

«... Какая прелесть».

Цзянь Мяо всё же повесил в комнате трансляций объявление о перерыве.

Во-первых, высокая температура действительно требовала постельного режима, а во-вторых, нужно было дождаться результатов расследования платформы по поводу клеветы со стороны Сяо Шушу.

Пусть абсурдный слух и не успел разлететься по всему интернету, Цзянь Мяо не собирался спускать это с рук.

Вечером предпоследнего дня национальных праздников Цзянь Мяо получил сообщение от своего школьного учителя.

Сразу после каникул в Шестнадцатой средней школе начинались интенсивные сборы для абитуриентов творческих специальностей. Классный руководитель просил Цзянь Мяо вернуться в родные стены в качестве выдающегося выпускника и произнести перед старшеклассниками напутственную речь.

Учитель пытался пригласить его ещё в прошлом году, но тогда Цзянь Мяо находился за границей на выставке живописи и физически не успевал, поэтому пообещал непременно приехать в следующий раз.

Кто же знал, что педагог отнесется к обещанию столь серьезно?

Раз уж договорённость существовала, да и болезнь уже почти отступила, в последний день каникул Цзянь Мяо отправился в школу.

На аллеях Шестнадцатой средней школы царила тишина.

У самых ворот дежурный охранник, смерив взглядом его повседневную одежду, вытянул руку:

— Эй, парень, ты ведь не наш ученик?

Цзянь Мяо замер у входа и только достал телефон, чтобы набрать классного руководителя, как его окликнул знакомый голос:

— Цзянь Мяо?

Обернувшись на зов, Цзянь Мяо встретился взглядом с мужчиной в тонких очках в золотой оправе.

Юноша немного удивился:

— Учитель Вэй.

— Надо же, — улыбнулся Вэй Цзинхэ и повернулся к сторожу: — Это наш выпускник, я сам его позвал.

Увидев сопровождение в лице преподавателя, охранник беспрепятственно пропустил гостя.

Учитель Вэй достал из багажника машины тяжелую коробку, и Цзянь Мяо тут же шагнул вперед, чтобы помочь.

— Что это? Бинты? — тихо поинтересовался юноша.

— Какое там бинты, медоборудование, — хмыкнул Вэй Цзинхэ. — Как ты выпустился, некому стало ко мне за бинтами бегать.

Цзянь Мяо поджал губы и сдержанно улыбнулся:

— И разве это не к лучшему?

— Что ж хорошего! Нынешние сопляки, если и бредут в медпункт, то девять из десяти — симулянты. Да так разыгрывают, будто в театре. Никакого доверия между людьми не осталось! — Учитель Вэй занес коробку в кабинет, перевел дух и оглянулся: — То ли дело ты: пришел, помнится, ко мне с окровавленной рукой. Спрашиваю тебя, не карандаш ли чинил, а ты мне отрезаешь два слова: «Вены вскрывал».

От внезапного напоминания о старых глупостях Цзянь Мяо невольно смутился.

Заметив его замешательство, Учитель Вэй понял, что те мрачные думы давным-давно остались в прошлом, и мягко усмехнулся:

— Вот и говорю: бедные нынешние дети, все их грешки под запись идут. Кстати, слышал, ты

поступил в Университет S? Отличное место. Как тебе студенческая жизнь?

Переступив порог медкабинета, Цзянь Мяо ощутил, как смутная волна воспоминаний накатила с новой силой. На его губах проскользнула теплая улыбка:

— Всё хорошо.

— Да уж видать, что хорошо. При выпуске обещал навещать, а сам за ворота шаг ступил — и с концами, — вздохнул Вэй Цзинхэ. — А я тут, между прочим, листки на календаре сдуваю, все жду.

Цзянь Мяо решил было, что школьный врач просто шутит, но взглянул на стену за его рабочим столом и обомлел: там действительно висел небольшой самодельный календарь, усыпанный разнообразными стикерами.

Подойдя ближе, Цзянь Мяо разглядел, что листки были сшиты вручную из старых бланков посещений медкабинета.

За незамысловатой нарисованной от руки обложкой скрывался подробный учет каждого визита Цзянь Мяо.

В старших классах душевная болезнь терзала Цзянь Мяо сильнее всего. Он мало что понимал в своем расстройстве и синдроме кожной жажды, испытывая лишь дикий, всепоглощающий страх. Школьные будни текли размеренно, но сам он всё глубже увязал в одиночестве, а в огромном особняке, который именовался «домом», по ночам регулярно появлялись всё новые незнакомые женщины.

Когда удушливая тяжесть переливалась через край, ему требовалась встряска, крайнее ощущение, способное выдернуть его из небытия... Вроде боли.

У него не было намерений свести счеты с жизнью — только жажда короткого, резкого импульса. Вот только без опыта рассчитать силу получалось далеко не всегда.

Со временем Учитель Вэй раскусил его.

Поскольку в медкабинет регулярно заглядывали ученики, дабы уберечь своего «постоянного посетителя» от косых взглядов и сплетен, школьный врач завел для Цзянь Мяо отдельный журнал.

«Если не хочешь идти к школьному психологу, просто заходи ко мне, когда станет совсем паршиво. С моей справкой ни один учитель не поставит тебе прогул».

Именно эти слова произнес тогда Вэй Цзинхэ.

Цзянь Мяо с ностальгией листал страницы, хранящие историю трех лет его жизни. Но едва он погрузился в воспоминания, как взгляд случайно зацепился за одну из строчек. Помимо его собственного имени там значилось еще одно:

12.3 — Цзянь Яньчжоу — растяжение.

В глубине груди затрепетали давно затихшие бабочки. Их невидимый порыв волной подступил к горлу, отзываясь сладостным трепетом на самом кончике языка.

Цзянь Мяо отчетливо помнил этот день — ведь именно тогда он потерял свой любимый канцелярский нож.

Нож не обладал никакой сакральной ценностью и не был чьей-то памятью — Цзянь Мяо он просто нравился.

И именно поэтому он чаще всего использовал его, когда искал спасения в боли.

В тот день Цзянь Мяо, как обычно, приходил в медкабинет обработать рану. Перед этим он оставил нож в художественной мастерской, а когда вернулся — инструмента уже и след простыл.

Цзянь Мяо долго разглядывал ровный, утонченный почерк, пока наконец не окликнул врача:

— Учитель Вэй...

Школьный врач, раскладывавший инструменты по полкам, оглянулся:

— М-м?

— Разве этот журнал не принадлежит только мне? Откуда здесь... — Палец юноши замер на имени Цзянь Яньчжоу. — ...другой ученик?

Вэй Цзинхэ глянул на страницу:

— А, этот Цзянь! Он тоже постоянным гостем был. Я тогда просто перепутал журналы, вот он один раз и записался здесь.

— Постоянным? — Цзянь Мяо сжал пальцы. — Он часто травмировался?

В старших классах Цзянь Яньчжоу сцеплялся из-за него с компанией Вэй Цзинхэ... А ведь младшекурсник тогда был совсем один.

— Травмировался? Да нет, обошлось без этого, — врач усмехнулся, вспоминая. — Парень с причудой. Чуть свободная минута — бежит ко мне, словно сбежать больше некуда. Встречал я прогульщиков, но чтоб прогуливали уроки ради сидения в медпункте... Хм, разве что ты да он.

Учитель Вэй шутливо добавил:

— Не учись вы в разных классах, я бы решил, будто он в тебя тайком влюблен и специально бегал глазеть.

Календарь с негромким хлопком выскользнул из рук и упал на стол. Вэй Цзинхэ повернулся на звук и замер: Цзянь Мяо стоял ни жив ни мертв, а от мочек ушей до самых щек разливался нежный, смущенный румянец.

<http://bllate.org/book/19975/1986372>